

О СУЩНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ

© 2019 Еременко О.И.

аспирант

кафедра уголовного права и криминологии

Самарский национальный исследовательский университет

имени академика С.П. Королева, Россия, Самара

E-mail: oi_ereenko@mail.ru

В статье исследуются спорные вопросы применения института административной преюдиции в уголовном законе во взаимосвязи с социально-политическими процессами криминализации (декриминализации). Административная преюдиция рассматривается как средство предупреждения административных и уголовно наказуемых нарушений посредством акцента на юридической характеристике личности правонарушителя, неоднократно совершавшего противоправные деяния. Показано, что расширение сферы применения административной преюдиции связано с современной уголовной политикой, обеспечивающей строгую дифференциацию мер уголовно-правового воздействия. Установлена связь административной преюдиции с процессами декриминализации незначительных, не причиняющих существенного вреда правонарушений.

Ключевые слова: Уголовный закон, юридическая техника, состав преступления, преюдиция, административная преюдиция.

В процессе правового реагирования на противоправное поведение как в административной, так и уголовно-правовой сфере, важнейшей задачей является определение целей наказания правонарушителя. С одной стороны, надлежит обеспечить персонификацию уголовной репрессии, с другой — ее дифференциацию. На это же обращается внимание и в концепции развития российского законодательства [1].

Поддержание и охрана порядка в уголовном и административном праве обеспечиваются специфическими средствами, строго определенными действующим законодательством. Безусловно, некоторые из санкций могут иметь схожие характер и формы (например, штраф), однако они влекут совершенно различную публичную оценку и последствия. Данный подход реализуется и в оценке противоправного деяния с позиций разных отраслей.

Тожественные по своей формальной правовой идентификации деяния в различных обстоятельствах своей повторяемости получают совершенно различную оценку общественной опасности. Так, повторность мелкого хищения чужого имущества превращает проступок в преступление. Насколько целесообразен такой подход и какие цели достигаются усилением репрессий к правонарушителю?

Административная преюдиция не предпола-

гает нового качества деяния, квалифицируемого как преступление в уголовном праве. Фактически деяние, совершаемое повторно, меняет степень и направленность общественной опасности. Это следует и из содержания легального определения мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158.1 УК РФ). Здесь повторное противозаконное деяние должно быть тождественно по своей социально-правовой природе тому деянию, за которое ранее к правонарушителю были применены меры административного взыскания.

Современная конструкция административной преюдиции не нова. УК РСФСР были известны нормы с административной преюдицией. Это почти 10% от общего числа статей Особенной части УК РСФСР 1960 года. Особенность такого рода норм в принципе не изменилась и состоит в следующем: 1) за конкретное вредоносное деяние установлена административная ответственность; 2) за повторное совершение административно наказуемого деяния установлена уголовная ответственность; 3) признаки повторного деяния должны соответствовать признакам административного правонарушения; 4) деяние совершено лицом, подвергнутым административному наказанию; 5) деяние совершено в срок, в который правонарушитель считается подвергнутым административному наказанию.

Первоначальная редакция УК РФ норм с административной преюдицией не содержала. Презюмировалось, что преступность деяния определяется уголовным законом, а проступок — административным. Соответственно, тождественные правонарушения не могли квалифицироваться как проступок и преступление. Административная преюдиция была возвращена в УК РФ федеральным законом от 29 июля 2009 г. № 216-ФЗ «О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации».

В Особой части УК РФ по состоянию на 1 февраля 2020 г. содержатся следующие статьи с административной преюдицией: статья 116.1 «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию»; статья 151.1 «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции»; статья 157 «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей»; статья 158.1 «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию»; статья 171.4 «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции»; статья 212.1 «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования»; статья 215.4 «Незаконное проникновение на охраняемый объект»; статья 264.1 «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию»; статья 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»; статья 284.1 «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности»; статья 314.1 «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений»; статья 315 «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта».

Расширение составов преступлений, в которых применяются средства административной преюдиции является тенденцией современной уголовной политики. Составы с административной преюдицией не обладают большой обще-

ственной опасностью, не причиняют большого имущественного ущерба и существенного вреда. Использование данного института обеспечивает прежде всего стимулирование постдевиантного (относительно проступка) правомерного поведения и воздержание от правонарушения.

С одной стороны, административная преюдиция может проявляться через декриминализацию деяния, обеспечивая экономию уголовной репрессии. С другой — институт административной преюдиции может выступать как средство криминализации деяния. Если законодатель рассматривает, например, мелкое хищение, как проступок, то его уголовно-правовая составляющая при повторности тождественного деяния отражает репрессивный подход законодателя. Ведь криминальный характер и повышение степени общественной опасности деяния определены лишь повторностью, которая оценивается нарушением публичного интереса. Усиление репрессий в отношении рецидивного противоправного поведения, по мнению А.Н. Тарбагаева [2] и Е.В. Ямашевой [3], не оправдано.

А.Г. Безверхов поясняет, что в этом «заключается многозначность административной преюдиции, что продиктовано рядом целей, в том числе и целью превентивного характера данного правового явления» [4]. Наконец, «развитие административной преюдиции в уголовном законодательстве направлено на сближение положений охранительного законодательства» [5], а также «связано с потребностью в разработке модели уголовного проступка» [6].

Возвращение в современный уголовный закон административной преюдиции порождает многочисленные споры как ученых-юристов, так и практиков. Б.В. Волженкин и М.И. Ковалев указывают на то, что установление административной преюдиции противоречит принципу *non bis in idem*: лицо, виновное в совершении административного правонарушения, уже претерпело на себе меры правового воздействия за содеянное. Применяется ретроспективно двойная ответственность, хотя нет никаких оснований привлечения к ответственности повторно. Проступок находится в поле административного права, его множественность получает уже криминальную оценку. Деяние квалифицируется в совершенно ином качестве при административной преюдиции [7].

Как мера воздействия на правонарушителя, «административная преюдиция ...может стать

эффективным средством противодействия преступности и будет способствовать достижению ...повышения эффективности практического применения уголовного законодательства, обеспечению реализации принципа экономии мер уголовной репрессии и исключит случаи объективного вменения» [8].

Что же касается возможности нарушения принципа *non bis in idem*, то этот аргумент нуждается в уточнении. В каждой отрасли права у правонарушения и ответственности будет свое основание, своя оценка обстоятельств личности правонарушителя. Повторность правонарушения влечет уже иную отраслевую квалификацию деяния. В административном деликте такого признака не существует. Степень общественной опасности деяния изменяется в силу множественности. Неоднократно совершенное противоправное деяние влечет иной вид санкции. Административная ответственность наступает за первый деликт. Наступление уголовной ответственности исключает одновременное привлечение правонарушителя к административной ответственности [9]. По мнению Н.Г. Иванова, деликт не способен трансформироваться в качественно новое явление, в преступление, которое предполагает иную публичную оценку, иные меры реагирования, а также более строгие меры принуждения [10]. Не повторное деяние трансформируется в преступление, но его криминализация обусловлена устойчивым противоправным поведением нарушителя. У повторного деяния изменяется содержание и субъективной стороны (отношения правонарушителя к собственным повторным проступкам). Общественная опасность, например, мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158.1 УК), достигает «криминального уровня вследствие опасности не только самого деяния, запрещенного уголовно-правовой нормой, но и вследствие опасности лица, его совершившего» [11].

В конструкциях с административной преюдицией именно субъект преступления приобретает особенные свойства в силу характеристики личности преступника, на которую не смогло повлиять привлечение к административной ответственности, не смогло изменить его отношение к совершаемому им поведению. А.Г. Безверхов [12] и В.П. Малков [13] справедливо отмечают, что лицо, продолжает совершать противоправные деяния в относительно небольшой проме-

жуток времени, несмотря на применение административного воздействия. Безусловно, это свидетельствует о злостности, ожесточенности личности нарушителя, опасности его поведения.

При квалификации деяния крайне важны личность преступника, его субъектное отношение к преступлению, что не позволяет согласиться с Н.А. Лопашенко, которая не допускает использования признаков личности в определении оснований криминализации деяний [14].

Трудно также согласиться с мнением, что существование административной преюдиции выявляет среди административных правонарушений особую группу деликтов, занимающих по своей общественной опасности промежуточное положение между административными правонарушениями и преступлениями [15].

В основе дискуссии об усилении общественной опасности деяния в силу повторности девиантного поведения лежат различные подходы к определению общественной опасности повторяющихся деяний.

М.И. Харлова видит формальным разделение уголовного и административно-деликтного права: «административно-деликтное право остается частью уголовного права в широком смысле, то есть включается в уголовно-правовую сферу, несмотря на формальное нахождение за границами уголовного закона» [16]. Невозможно отрицать общности правовой природы уголовной и административной санкции, принципов ответственности, но включение административной преюдиции в уголовное право не может стирать границы этих двух отраслей права.

Утверждается также, что институт административной преюдиции нарушает отраслевую чистоту уголовного права. Возможно, для чистоты научного тезауруса неудачным является применение термина «преюдиция» или «административная преюдиция». Уголовное преследование осуществляется не за конкретное, отдельно взятое деяние, а за деяния в совокупности, в том числе за то, за которое правонарушитель уже осужден и понес наказание. Каждое из деяний по отдельности — деликт, в совокупности — преступление.

Таким образом, совершенно очевидна необходимость дальнейшего изучения сущности административной преюдиции, важность ее более детальной разработки. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что административная преюдиция характеризует

юридическую ответственность как комплексное, межотраслевое охранительное отношение. Кроме того, не следует забывать, что изменение законодательства об административной ответственности может оказать влияние на пределы уголовной ответственности, сокращая либо расширяя круг действия уголовно-правовых норм с конструкцией административной преюдиции.

Библиографический список

1. Концепции развития российского законодательства / Отв. ред.: Тихомиров Ю.А., Хабриева Т.Я. — М.: ИЗиСП, 2014. — С. 58; *Семькина О.И.* Современные тенденции развития уголовного законодательства о преступлениях экономической направленности (сравнительно-правовое исследование) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2014. — № 2. — С. 327–338.
2. *Тарбагаев А. Н.*, Административная ответственность в уголовном праве / А.Н. Тарбагаев // Правоведение. — 1992 — № 2. — С. 65.
3. *Ямашева Е. В.*, К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России / Е.В. Ямашева // Журнал российского права. — 2009 — № 10. — С. 69.
4. *Безверхов А. Г.*, Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы /А. Г. Безверхов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. — 2011 — № 2 (10) — С. 39.
5. *Устинова Т.Д.* Расширение уголовной ответственности за незаконное предпринимательство // Журнал российского права. — 2003. — № 5. — С. 102.
6. *Безверхов А.Г., Денисова А.В.* О становлении института уголовного проступка в системе российского уголовного права // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 25–29; *Лапина М.А.* Оптимальные приемы юридической техники, обеспечивающие согласование системы юридических санкций административно-деликтного и уголовного законодательства // Административное и муниципальное право. — 2015. — № 6. — С. 575–581.
7. *Волженкин Б. В.*, Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ / Б.В. Волженкин // Законность. — М., — 1998 — № 12 — С. 2–7; *Ковалев М.И.* Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усиление борьбы с правонарушениями. Межвузовский сборник научных трудов. — Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1982. — С. 3–14.
8. *Бавсун М.В., Бавсун И.Г., Тихон И.А.* Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. — 2008. — № 6. — С. 6–9.
9. *Гошаев И.М.*, Регламентация административной преюдиции в уголовном законодательстве России: историко-правовой анализ / И.М. Гошаев // ЮП. — 2017. — № 3 (82). — С. 133.
10. *Иванов Н. Г.*, Уголовная политика России и совершенствование уголовного законодательства / Н.Г. Иванов // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 47.
11. *Иванчин А. В.*, О целесообразности построения составов преступлений с административной преюдицией / А.В. Иванчин // Библиотека криминалиста. — 2013. — № 2. — С. 101.
12. *Безверхов А.Г.*, Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы / А.Г. Безверхов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право — 2011 — № 2. — С. 40–41.
13. *Малков В.П.*, Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву / В.П. Малков // Казан. гос. ун-т. — Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та. — 1982. — С. 25.
14. *Лопашенко Н.А.*, Административной преюдиции в уголовном праве — нет! / Н.А. Лопашенко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2011. — № 3 (23). — С. 69.
15. *Новикова Е.В.*, Административная преюдиция: дискуссия продолжается / Е.В. Новикова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. — 2018. — № 12 (52). — С. 105.
16. *Харлова М.И.* Особенности состава преступления с административной преюдицией // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 8 (69). — С. 137.